

Пролог

Никто не знает точно, откуда взялись Арлекины. Во Всеобщих законах о них нет ни слова. Не упоминают их и в священных книгах. И все-таки они существуют.

Одни говорят, что к появлению Арлекинов привели кровосмесительные связи между хромами разных цветов. Другие — что их послали боги, чтобы мы, чистокровные, не забывали, как нам повезло.

Я знаю лишь одно: Арлекины могут притворяться хромами любого цвета. Они могут разговаривать, как мы, поступать, как мы, и даже сражаться подобно нам. Но они другие.

Если жестоко убито животное или обнаружен мертвый младенец — это верный знак: среди нас скрывается Арлекин. Его надо найти как можно скорее. И немедленно казнить.

1. Казнь Арлекина

Приближались мои четырнадцатые именины, когда отец счел меня достаточно взрослым, чтобы увидеть казнь. Казнь Арлекина.

— Ты должен уметь распознать это отродье, если оно тебе повстречается, — сказал он.

Весть, что я увижу настоящего, живого Арлекина, настолько напугала и взбудоражила меня, что, когда отец вошел в комнату в то холодное и хмурое утро, будить меня не пришлось — я был уже полностью одет. Я вообще почти не сомкнул глаз той ночью.

Спустя несколько минут, выпив обжигающего травяного отвара, чтобы немного согреться, мы завернулись в плащи и задержались перед входной дверью, надевая маски. Покончив с приготовлениями, отец оглядел меня с головы до ног и одобрительно улыбнулся:

— А ты становишься выше с каждым восходом солнца, Ашева.

— И все больше похожим на тебя, — добавила мать.

Она тихонько выскользнула из спальни. Я чувствовал, что ей было важно увидеть меня перед тем, как я уйду. Мне предстояло впервые столкнуться с жестокой реальностью нашего мира, и мать хотела помочь мне подготовиться к этому, хотя бы какой-то малостью, пусть даже самой надеть на меня маску, поправить ее или пригладить мне волосы.

— А это ведь хорошо? — усмехнулся отец, покосившись на нее.

— Да, — тихо согласилась она, остановив взгляд на моей кроваво-красной маске смерти с черными губами и слезами, которую смастерила для меня ее мать, моя бабушка. — Это хорошо...

В ее голосе слышались напряжение и тревога, но отец предпочел их проигнорировать; возможно, предстоящее нравилось ему не больше, чем ей, но он знал: этого не избежать.

Сам он надел простую черно-белую маску и мельком взглянул в зеркало, поправляя ее. От всего его облика исходило ощущение мощи: высокий рост, могучие плечи, широкая спина, мускулистые руки с крепкими пальцами, которые с изящной ловкостью коснулись маски. Наша опора и защитник: сильный, справедливый, храбрый, стойкий. Настоящий герой, сражавшийся против Синих и против Красных хромов. От

одной мысли, что я — его сын, меня распирала гордость. С тех пор как себя помню, я страстно мечтал стать похожим на него. Обняв по очереди мать, мы вышли в холодную и мрачную предрассветную мглу.

Бок о бок мы с отцом шли по крутым, мощным булыжником улицам Аксиума, нашего великого и древнего города. Несмотря на раннее утро, Черные храмы были повсюду. Длинные черные шерстяные плащи развевались на ходу и мели землю под нашими ногами, делая нас похожими на неуклюжих бескрылых воронов. С каждым шагом мое беспокойство усиливалось: страх боролся с любопытством. К тому времени как мы присоединились к огромной толпе, собравшейся на площади Победы, под пристальными взглядами статуй — памятников павшим героям прошлых войн между храмами, с востока налетел ледяной ветер и на меня упали первые капли дождя.

В центре площади возвышалась виселица. Неумолимая, прочная, запятнанная кровью, она служила зловещим предвестником грядущего события. По краям площади соорудили высокие помосты, чтобы влиятельные горожане могли наблюдать за казнью со всеми удобствами. Трибуны заполнили Черные храмы, и лишь на одной выделялось несколько фигур в разноцветных

одеждах: белых, фиолетовых, желтых и синих; яркие краски невольно притягивали взгляд.

Я обернулся к отцу:

— Почему они здесь?

— Высокопоставленных лиц других государств всегда приглашают, чтобы они стали свидетелями казни Арлекина, — ответил он. — Арлекины такие же их враги, как и наши.

Их было четверо. На одном развевалась белая мантия, но его маска и пояс говорили о принадлежности к Фиолетовым; рядом стояли двое в одежде из синего бархата — Синие хромы; а четвертый, в богатом шафранового цвета плаще из телячьей кожи и в золотой маске, представлял Желтый народ. Они стояли на своем маленьком островке посреди моря угрюмых простых Черных хромов, и, наблюдая за ними, я чувствовал беспокойство.

— А где Оранжевые и Красные? — спросил я отца.

Он помедлил с ответом, сосредоточенно рассматривая гостей.

— Не знаю.

Отец выглядел озабоченным. Было очевидно, что отсутствие хромов двух цветов не сулило ничего хорошего; особенно это касалось Красных — наших злейших врагов, против которых

мы много раз сражались на протяжении столетий. Я собрался было задать следующий вопрос, но в этот миг толпа бешено взревела. Шум поднялся с противоположной стороны и мгновенно долетел до нас. Это означало, что привели смертника.

Я наблюдал, как два черных флага, трепеща на ветру, приближаются к эшафоту. Толпа подалась вперед: хромы вставали на цыпочки и вытягивали шею. Человеческая масса все больше напирала и сдавливала нас. От страха у меня засосало под ложечкой. Повсюду раздавались яростные крики, все взоры были прикованы к флагам. Внезапно я понял, что никто не заметит, если меня здесь раздавят или я потеряю сознание и рухну на землю. Силясь устоять, я вцепился в плечо отца. Повернувшись ко мне, он заметил в моих глазах смятение.

— Не бойся! — прокричал он сквозь нарастающий гул. — Что бы ни случилось. Слышишь?

Я кивнул и всем своим видом постарался показать, что спокоен. Перед ним я ни за что на свете не хотел ударить в грязь лицом.

Движение флагов сопровождалось барабанной дробью. Звук был таким мощным, что отдавался у меня в груди, сливаясь с биением сердца. Спустя мгновение шум голосов затих — собравшие-

ся словно онемели. Наконец барабаны смолкли, и на площади воцарилась оглушительная тишина — казалось, сами боги наслали на город заклятие молчания.

Не знаю, сколько это продолжалось, по моим ощущениям, несколько часов, хотя вероятно, сердце сделало лишь три или четыре удара. Мне никогда не забыть, как эту застывшую тишину разорвал пронзительный вопль ужаса и над толпой показалась фигура.

Это был Арлекин.

Несколько стражников несли его на деревянной платформе, опиравшейся им на плечи. Пленника привязали к закрепленному на ней столбу, а его руки скрутили за спиной. Платформа двигалась рывками, раскачиваясь в такт шагам носильщиков. Когда они немного приблизились, я смог разглядеть свиную голову, нахлобученную поверх головы Арлекина: ее кожа плотно облегла его череп. Свиная кровь стекала по лицу, смешиваясь с его собственной, сочившейся из порезов вокруг глаз и глубоких ран на щеках. Его наготу прикрывал пестрый наряд, какого я никогда раньше не видел: яркие, броские лоскуты красного, желтого, зеленого и синего цветов были сшиты между собой самым нелепым образом. Все это выглядело чудовищно.

Арлекин снова закричал, вернее, жалобно завывал от страха. На этот раз толпа ответила ему свирепым гулом презрения и ненависти — он возник у самой платформы и тут же охватил всю площадь. Я опять обратился к отцу.

— А вдруг это тот самый Красный Арлекин? — прошептал я ему на ухо.

Красного Арлекина считали исчадием ада — никого в мире хромов не боялись и не проклинали сильнее. Поговаривали, что он — главарь всех Арлекинов, и у нас, детей, одно лишь упоминание о нем вызывало неопишуемый страх. Про него ходило великое множество легенд и сказок, многие из которых взрослые выдумали, чтобы пугать нас, но эти истории неизгладимо врезались в память; долгое время я искренне верил, что он стал красным, потому что пил кровь младенцев. Так или иначе, одно оставалось несомненным: Красный Арлекин действительно существовал.

Отец ничего не ответил. Подобно всем остальным, он неотрывно следил за пленником. Я снова взглянул на зловещую окровавленную фигуру. Пусть связанный и окруженный стражей, но Арлекин вполне мог сохранить достаточно сил, чтобы освободиться и убить нас всех.

— А если он улетит? — спросил я с тревогой.

— Не улетит. Он крепко связан. Мужайся, Ашева.

Я кивнул и продолжил наблюдать за Арлекином. Процессия приближалась, и через минуту-другую мне удалось рассмотреть его отчетливей. Не знаю, чего я ожидал, но, когда его поднесли к виселице, я с удивлением увидел обычного хромого — такого же юношу, как я сам, только несколько старше; вряд ли ему было больше двадцати. Его открытое лицо поразило меня. Все хромы, независимо от цвета, на людях носили маски, следуя одному из Всеобщих законов. Быть может, поэтому резкий контраст багровой крови и бледного лица впечатлил меня больше всего. Предстать в таком виде перед многотысячной толпой — крайнее унижение, и, глядя на это, я испытал глубокий стыд.

Он обратил лицо к небу и устремил оцепенелый взор ввысь — без сомнения, в последний раз заклиная богов спасти ему жизнь.

Свиная голова с глухим стуком упала на землю, вызвав на площади приступ хохота и злорадства. Я тоже попытался изобразить веселье, чувствуя, что это мой долг, но не смог. Я не испытывал жестокости к этому несчастному. Напротив, меня переполняла жалость.

— Откуда ты знаешь, что это Арлекин? — спросил я отца.

— Сейчас все увидишь, — ответил он.

Что-то странное прозвучало в его голосе и дало мне понять, что ему, как и мне, не хотелось участвовать во всем этом. А может, мне и почудилось, ведь затем из его уст посыпались громкие ругательства.

Тело Арлекина сотрясала крупная дрожь. И я с трудом мог представить его коварным или опасным. Какое же преступление он совершил, чтобы заслужить такой ужасный конец? Понадобилось двое стражников, чтобы удерживать беднягу, пока третий надевал петлю ему на шею.

Его судьба должна была вот-вот свершиться — и вдруг он закричал. Его голос пробился через поток оскорблений и злобных насмешек:

— Умоляю! Пощадите! Я не Арлекин!

Клянусь всеми богами, произнося это, он смотрел прямо мне в глаза.

Отчаянная мольба эхом прокатилась над площадью, и в этот миг палач выбил из-под его ног опору. Тело закачалось в широком проеме над нашими головами. Мне показалось, что предсмертные судороги длятся целую вечность. Не в силах этого видеть, я отвернулся, но отец, крепко взяв меня за затылок, повернул мою голову к виселице.

— Смотри, — сказал он.

И тут под раскачивающимися, подергивающимися ступнями мертвого Арлекина поплыла лег-

кая дымка, окрашенная всеми цветами радуги. Она клубилась в воздухе всего пару мгновений, но этого оказалось достаточно, чтобы толпа ахнула и замерла в изумлении. Дымка рассеялась так же быстро, как и появилась, вызвав бурное ликование среди зрителей.

— Что это было? — спросил я, подозревая, что знаю ответ.

Стоявший справа от меня хром сверкнул глазами, полными ненависти и отвращения, и опередил отца с ответом.

— Мерзкая душа злодея покинула тело. Так ему и надо! — заорал он настолько громко, что у меня заболело ухо.

Я старался найти в своей душе хотя бы намек на облегчение или радость от смерти «отродья», но тщетно. В памяти запечатлелся лишь его взгляд, устремленный на меня за миг до того, как все свершилось. Так смотрит загнанный лесной олень, которому суждено умереть в конце охоты.

Тучи над нами налились свинцом, и на площадь обрушился проливной дождь. Хромы стали поспешно расходиться, лишь немногие задержались посмотреть, как гвардейцы перерезают веревку и швыряют тело в повозку, чтобы увезти его, а затем сжечь. Представление окончилось. Пришло время возвращаться к будничным забо-

там. Толпа схлынула, как вода во время отлива, устремившись черными потоками в разных направлениях по улицам и переулкам прочь от площади Победы. Некоторые хромые отправились напрямиком в ближайшие таверны, чтобы пропустить кружку эля за сердца, что все еще бьются.

Мы с отцом вернулись домой к матери. Она не спросила, как все прошло — да ей это и не требовалось. Хватило одного взгляда на меня.

После казни я несколько дней только и думал, как это здорово, что живу. Я дышал полной грудью, ел с аппетитом и смаковал каждый кусок. Я наслаждался любой мелочью вокруг и жил так, словно каждый мой час мог оказаться последним. Каждый вечер, едва оказавшись в постели, я горячо благодарил богов, что я не Арлекин, и истово молился, чтобы в жизни больше не встретить ни одного из них. С тех пор я часто спрашивал себя, не обернулись ли эти мои просьбы роковым искушением для богов.

Одно могу сказать с уверенностью: мои молитвы остались без ответа.

